Кудрявцев Ф., Колодинский Г.
"Первые маёвки в Сибири"
Иркутск, 1939.

Ф. КУДРЯВЦЕВ и Г. КОЛОДИНСКИЙ

ПЕРВЫЕ МАЕВКИ В СИБИРИ

ОГИЗ • ИРКУТСК • 1939

Ф. КУДРЯВЦЕВ и Г. КОЛОДИНСКИЙ

ПЕРВЫЕ МАЕВКИ В СИБИРИ

(1899—1916 гг.)

ИРКУТСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСК—1939

НАЧАЛО МАЕВОК

„Волна рабочего движения перекинулась вместе с железной дорогой через Урал и разлилась по необъятной Сибири. Первый вал этой волны, еще слабый, уже начинает пугать наших правителей. Слишком уже необычайная это вещь: вдали от культурных центров, в глуши Сибири, в горах Забайкалья слышится революционная песня, печатаются и распространяются прокламации, шевелится рабочий“[1], — писала ленинская „Искра“ в 1902 году по поводу маевок, происходивших тогда в различных городах Сибири.

Сибирь, бывшая местом политической каторги и ссылки, являлась своеобразным барометром революционного движения, происходившего в центре России. Чем выше поднималась революционная волна, тем больше политических ссыльных попадало в Сибирь.

В 90-х годах XIX и начале XX века в сибирской каторге и ссылке появляются представители нового революционного поколения.

---

[1] „Искра“, № 22, 1902 г.

Это были пролетарские революционеры—революционные марксисты, создавшие невиданную во всей мировой истории по своей организованности, стойкости, беспредельному героизму большевистскую партию—партию нового типа.

В сибирской ссылке побывали В. И. Ленин, И. В. Сталин, их боевые соратники: Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский, М. В. Фрунзе, В. М. Молотов, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, Н. К. Крупская. В период своего пребывания в Сибири (Томск, Иркутск) здесь вел революционную работу С. М. Киров. Они оказали огромное влияние на развитие революционного движения в Сибири.

„Сотни людей прогоняет правительство через нашу Сибирь—на далекий холодный Север",—говорилось в одной из прокламаций Сибирского комитета РСДРП... „Гонит, гонит, но толпы растут и конца им не видно... Мало того... Окраина, служившая до сих пор местом ссылки, а нередко и местом могилы для лучших русских людей—вдруг проснулась и сама заговорила. Томские рабочие 18 апреля показали всей России, что и Сибирь вступила в великую освободительную борьбу"[1]...

---

[1] Прокламация Сибирского Соц. дем. союза, № 17, сентябрь 1903 г. (Из коллекции Иркутского Областного архива.)

Одним из проявлений этой борьбы стало, как указывает прокламация, проведение маевок, отмечающих Международный пролетарский праздник—Первое Мая (18 апреля по старому стилю)—день смотра боевых сил пролетариата. Сибирские организации РСДРП в своих первомайских прокламациях разъясняли рабочим и всем трудящимся:

„После каждой демонстрации, после каждой удавшейся маевки, сотни и тысячи темного народа освобождаются от своей темноты... Сотни и тысячи народа становятся друзьями социалистов, а скоро товарищами и братьями их... После каждой удавшейся демонстрации сами рабочие чувствуют себя бодрей, смелей и дружней... Видя, как правительство и хозяева испуганно суетятся, ожидая нападения,—в этой тревоге сильных и богатых—пролетарии видят верный залог своей будущей победы... Каждая демонстрация в сто раз теснее всякой мастерской сближает рабочих, сдружает их и делает истинными братьями... Каждая демонстрация, как военное упражнение, научает рабочих сражаться с их врагом... И армия пролетариата растет, объединяется, выучивается и закаляется в уличной борьбе на страх и ужас старому общественному порядку, которому, окрепши, нанесет она свой последний и смертельный удар... Все угнетенные и обездоленные, долго не веровавшие в возможность освобож-

дения, после удачной демонстрации, видя растущую силу рабочего класса, начинают с радостной надеждой взирать на него и... сначала робко, а затем все смелей и смелей начинают и сами принимать участие в этой борьбе.

Так демонстрациями пролетарии всех стран, скорее всяких газет и прокламаций, присоединяют к своей армии сотни и тысячи новых братьев, сотни и тысячи верных друзей и сторонников нашего дела"[1]...

В Европейской части царской России празднование Первого Мая начинается с 1890 г., в Сибири—с 1899 года. Первая маевка в этом обширном крае каторги и ссылки непосредственно связана с именем великого вождя пролетариата и всех трудящихся В. И. Ленина.

В 1897 году Владимир Ильич после долгого пребывания в петербургской тюрьме по делу „Союза борьбы за освобождение рабочего класса" был сослан на 3 года в Сибирь. 16 марта 1897 года он прибыл в Красноярск, а 12 мая, по распоряжению иркутского генерал-губернатора, отправлен в село Шушенское, Минусинского уезда, Енисейской губернии.

Царское правительство, отправляя Ленина в ссылку, пыталось изолировать его от

---

[1] Прокламация Сибирского Соц. дем. союза, № 10, апрель 1903 г.

революционной деятельности, но это не удалось. Вождь мирового пролетариата использовал весь период своего пребывания в ссылке для укрепления революционного дела, для борьбы с врагами марксизма. За время ссылки Владимир Ильич написал много научных работ, статей, отзывов на книги. Он заканчивает здесь один из своих крупнейших трудов „Развитие капитализма в России“ (вышел из печати в апреле 1899 г). В ссылке была написана брошюра „Задачи русских социал-демократов“, статьи: „От какого наследства мы отказываемся“, „Перлы народнического прожектерства“, проект программы партии и много других работ. В своих работах Ленин нанес сокрушительные удары народничеству и так называемому „легальному марксизму“.

Владимир Ильич постоянно держал связь с центрами рабочего движения в России. В 1899 году был составлен Лениным и подписан его товарищами по ссылке известный „Протест“ против „Кредо“ („Символа веры“), выпущенного представителями махрового оппортунизма—„экономистами“. Вокруг Ленина объединялась сплоченная группа политических ссыльных социал-демократов из ближайших к селу Шушенскому мест. Путем переписки Владимир Ильич поддерживал связь и с другими активными работниками революционного движения, разбросан-

ными в различных концах страны. Его ближайшим другом и помощником в работе была Н. К. Крупская, прибывшая в ссылку в село Шушенское в 1898 году. Товарищ Ленин пользовался большой любовью и уважением со стороны местных крестьян, с которыми у него установилась тесная дружба.

По сочинениям В. И. Ленина, написанным в ссылке, миллионы людей учились и учатся революционной борьбе и строительству социализма.

В 1899 году в тесном кружке своих друзей—политических ссыльных—в селе Шушенском, на реке Енисее, Владимир Ильич встретил Первое Мая. Празднично настроенные Ленин и его друзья, собравшись в комнате одного из товарищей, дружно запели первомайскую песню:

„День настал веселый Мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удалая,
Забастуем в этот день!
Полицейские до пота
Правят подлую работу:
Нас хотят изловить,
За решетку посадить!
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом:
Гоп-га, гоп-га!“

„Спели по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпразд-

новать май в поле,—рассказывает Н. К. Крупская. „Как наметили, так и сделали. В поле нас было больше, уже 6 человек, так как Проминский захватил двух своих сынишек. Вечером собрались все у нас и опять пели. К хору присоединились моя мать и Паша. А вечером мы с Ильичом как-то не могли заснуть, мечтали о мощных рабочих демонстрациях, в которых мы когда-нибудь примем участие“.[1]

Кроме маевки Владимира Ильича Ленина в селе Шушенском, в 1899 году Международный пролетарский праздник был отмечен в г. Томске. В этот день Томская социал-демократическая организация устроила конспиративное рабочее первомайское собрание, на котором присутствовало до 30 человек. Так начались первые маевки в Сибири[2].

Под влиянием политических ссыльных—социал-демократов в Сибири возникают марксистские кружки, и в конце 90-х годов организуется в Томске Сибирский „Социал-демократический союз“.

В 1902 году были основаны местные комитеты Сибирского союза РСДРП: Красноярский, Иркутский и Читинский. Под руко-

---

[1] Н. Крупская. „Воспоминания о Ленине“. Москва, 1932 г., стр. 28.

[2] См. статью „Маевки в Сибири“. Журнал „Сибирские огни“. Новосибирск, 1938 г., № 2, стр. 142—154.

водством партийных организаций маевки в Сибири принимают все более и более широкие размеры. Установки для организации их дает ленинская „Искра". Редакцией „Искры" была издана брошюра „Майские дни в Харькове", посвященная событиям 1900 года. В предисловии к этой брошюре, написанной В. И. Лениным, читаем:

„Через полгода русские рабочие будут праздновать первое мая первого года нового века,—и пора позаботиться о том, чтобы это празднество охватило как можно больше центров, чтобы оно было как можно внушительнее не только числом своих участников, но и их организованностью, их сознательностью, их решимостью начать бесповоротную борьбу за политическое освобождение русского народа, а тем самым и за свободное поприще классового развития пролетариата и открытой борьбы его за социализм" (В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 47).

В „Кратком курсе Истории ВКП(б)" с исчерпывающей полнотой подчеркнута та историческая роль, которую сыграла ленинская „Искра" в период 1900—1903 гг. Влияние ее было исключительно велико. Причем она имела влияние не только в Европейской части России, но и проникала в отдаленные уголки Сибири: Иркутск, Красноярск, Канск, Томск, Владивосток, Якутск, в села: Кимильтей, Н.-Удинского уезда, Малышевку, Бала-

ганского уезда, и к политическим ссыльным Киренского уезда, Иркутской губернии. Отдельные номера „Искры“ и сочинения В. И. Ленина перепечатывались в тайных типографиях Сибирского социал-демократического союза.

Корреспонденты „Искры“ подробно описывают первомайские дни в Сибири.

В 1900 году происходило первомайское собрание за городом Томском, организованное местной социал-демократической организацией, на собрании участвовало до 300 человек, главным образом, типографских рабочих.

В 1901 году Сибирский Комитет РСДРП оборудовал в Томске свою нелегальную типографию и отпечатал первомайские прокламации. Они распространялись во всех крупных городах Сибири: Томске, Омске, Красноярске, Иркутске, Чите, Благовещенске.

В 1902 году первомайские прокламации были выпущены не только Сибирским „Социал-демократическим союзом“, но и его местными комитетами: — Томским, Иркутским, Красноярским, Читинским.

Иркутский комитет к Первому Мая выпустил прокламацию, разъяснявшую сущность и задачи Международного пролетарского праздника. Выпуск этой прокламации сильно напугал местную царскую администрацию и буржуазных обывателей. К полицейским участкам были прикомандированы отряды

солдат. В ночь с 30 апреля на 1 мая по городу разъезжали конные патрули. Напуганные обыватели выехали с семьями на дачи. Но все эти приготовления царских опричников не испугали иркутских рабочих.

Рабочие железнодорожного депо еще за несколько дней заявили, что 1 мая они работать не будут и точно выполнили свое заявление.

Первого мая, прекратив работу, рабочие отправились за город, на Каю, для проведения маевки. Вслед за ними был отправлен сильный отряд полицейских. На виду у этого отряда, рабочие смело пели революционные песни. Арестовать их полицейские не осмелились.

Таким образом в 1902 году в Иркутске Международный пролетарский праздник был отмечен выпуском первомайской прокламации местного партийного комитета, забастовкой и загородной сходкой рабочих. В лесу на Кайской горе слышались призывные звуки революционных песен. В них выражалась твердая уверенность в том, что рабочий класс одержит полную победу над эксплуататорами:

„...Но страшись, грозный царь,
Мы не будем, как встарь,
Безответно сносить свое горе;
За волною волна, подымаясь, идет:
Люд рабочий бушует, как море.

Твой роскошный дворец
Мы разрушим вконец
И лишь пепел оставим от трона,
А порфиру твою мы отнимем в бою
И порежем себе на знамена.
Фабрикантов, купцов—
Твоих верных сынов—
Мы, как тучу, развеем по полю,
И на место суровой нужды
Установим мы счастье и волю!..“

В Чите накануне первого мая 1902 года были расклеены по городу и на вокзале и разбросаны по железнодорожным мастерским прокламации от местного партийного комитета, рисующие общее положение рабочего в России и приглашающие рабочих к организации. Прокламации произвели сильное впечатление на рабочих. Напуганный прокламациями забайкальский губернатор стал, как сообщает корреспондент „Искры“, „готовиться к подавлению бунта“. Губернатором был издан приказ по войскам: „Выдать двум сотням казаков по пять боевых патронов и... никакой пощады“.

Первого мая по улицам разъезжали вооруженные патрули. Несмотря на все эти грозные приготовления губернатора, читинские рабочие организовали маевку. Человек 150 рабочих отправились в лес с красными флагами и пением революционных песен.

В Томске первого мая на Почтамтской— одной из главных улиц города—были вывешены два красных знамени с надписью „Долой самодержавие!“ и на других улицах— еще два знамени. Везде были расклеены и распространялись прокламации. По поводу их распространения корреспондент „Искры“ сообщал курьезный факт, связанный с „деятельностью“ черносотенного погромщика— томского архиерея Макария, обагрившего в 1905 году свои руки в крови рабочих и интеллигенции. „Говорят,—писал корреспондент,—что томский архиерей Макарий оказался невольным пособником преступления: в раздаваемые на ведущихся под его руководством духовно-нравственных чтениях—книжки каким-то чудом попали первомайские прокламации“[1].

В Красноярск в апреле 1902 года привезли студентов, сосланных царским правительством в Сибирь за участие в революционном движении. „Для встречи их собралась многотысячная толпа рабочих и интеллигентов и устроила целое триумфальное шествие от вокзала до острога, куда направляли бывших студентов.

По дороге взвились красные флаги с надписями: „Долой самодержавие!“ и пелись революционные песни. Другая картина при прибытии следующих партий. За полчаса до

[1] „Искра“, № 22, 1902 г.

прихода поезда прибыли две роты казаков; с прибытием поезда они окружили вагон со студентами, зарядив предварительно на глазах публики свои револьверы. Публика держалась на почтительном расстоянии“[1].

Перед 18 апреля (1 мая) на протяжении трех или четырех дней почти каждую ночь в железнодорожных мастерских и в самом городе появлялись прокламации, разъяснявшие значение Международного пролетарского праздника.

К утру 17 апреля, по сообщению корреспондента „Искры“, улицы города стали красными от прокламаций (они печатались на красной бумаге). В это утро только полицией было собрано до 3000 первомайских листовок. Одни из них представляли собою небольшие четырехугольники, на которых обозначались первомайские требования; другие—большие красные, изящной формы, напоминавшие театральные афиши. 18 апреля (1 мая) поток прокламаций усилился. „Недаром про Красноярск говорят, что его затопили прокламациями!“—писала „Искра“ в 1902 году. Прокламации распространялись среди рабочих и солдат, оказывая на них большое влияние. „Все прочли, все интересуются, некоторые жалеют, что мало понятно“,—рассказывали солдаты. „Многие решают,

---

[1] „Искра“, № 22, 1902 г.

что, если заставят стрелять в рабочих, то „прицел, ребята, ставь выше"... Иные желают еще листков, только не белых, а красных,— те приметнее, а на белые не смотришь и проходишь мимо и т. п."[1]

Красноярская полиция, напуганная распространением прокламаций, бросилась разыскивать тайную типографию в популярную среди красноярцев местность, известную под именем „Столбы". В 12 верстах от города среди довольно густого леса возвышаются большие скалы, чарующие любителей природы своей дикой красотой. Это и есть „Столбы"—любимое место загородных прогулок красноярцев. „Столбы" были взяты под надзор полиции, так как там на одном из неприступных мест, на высокой скале еще в 1901 году масляной краской саженными буквами было начертано страшное для самодержавия и радостное для трудящихся слово „Свобода". Все попытки полицейских стереть его потерпели неудачу: они не могли забраться на скалу. Неудачными оказались и розыски типографии. Полицейские арестовали четырех любителей „столбистов", пришедших насладиться природой. Их привели под конвоем, продержали день и выпустили. Оказалось, что „столбисты" никакого отношения к подпольной типографии не имеют.

---

[1] „Искра", № 22,—1902. г.

По всему городу начались обыски, аресты. Дело доходило до курьезов. „Был обыскан соборный дьякон за то, что нашел несколько прокламаций и с перепугу без объяснений передал их постовому городовому, который принял их и донес на дьякона, как на распространителя“ [1]. По улицам Красноярска 1-го мая разъезжали казаки в полном вооружении. Была под ружьем рота солдат-ходили патрули, скакали пристава то верхом, то на извозчиках; расхаживали и выслеживали жандармы, но распространение прокламаций продолжалось. Они разбрасывались по улицам, расклеивались на заборах, раздавались на вокзале, в театре, воинских частях и даже в кафедральном соборе.

В некоторых городах Сибири первомайская пропаганда совершалась в оригинальной форме: по почте рассылались поздравительные карточки, получатели которых читали: „Поздравляем с 1-м Мая—всемирным праздником рабочих. Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!“ [2] Карточки были подписаны местными комитетами РСДРП. „Как видите, и у нас в Сибири зашевелился рабочий. В добрый час!“—писал корреспондент „Искры“, характеризуя сибирские маевки 1902 года.

---

[1] „Искра“, № 22, 1902 г.
[2] Иркутский Областной архив, фонд 223, св 8, № 159.

ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

В Сибири, как и во всей России, наступила весна революционного подъема, предшествовавшего революции 1905 года.

Первомайский праздник стал революционной традицией рабочих, как в Европейской части России, так и в Сибири.

В проекте резолюции II съезда партии о 1 Мае В. И. Ленин писал: „Съезд подтверждает вошедшее уже в обычай празднование первого мая, обращая внимание всех организаций партии на выбор наиболее подходящих, при наших условиях, времени и способа чествования международного праздника освободительной борьбы пролетариата" (В. И. Ленин. Соч. Т. VI, стр. 10).

В 1903 году к 1 мая Сибирским союзом РСДРП было выпущено семь прокламаций на следующие темы: „Для чего нам нужна политическая свобода", „О международном характере рабочего движения и о том, что предстоящее политическое освобождение России есть акт международного значения", „О демонстрациях: что такое демонстрация и для чего следует их устраивать", „Что такое Первое Мая, его происхождение и празднование", „Первомайские требования", „К солдатам по поводу Первого Мая".

Всего подпольной типографией Сибирского союза, начиная с 1 (14) марта по 18 ап-

реля (1 мая) 1903 года, было выпущено не менее 40.000 экземпляров прокламаций. В свою очередь выпускались листовки местных партийных комитетов: Томского, Красноярского, Иркутского и Читинского. Прокламации были распространены в городах: Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите, Новониколаевске (теперь Новосибирск) и во многих местах по линии Сибирской железной дороги.

Особенно большой популярностью среди рабочих пользовались две прокламации Сибирского союза с рисунком, наглядно изображавшим в форме шестиярусной пирамиды самодержавный помещичье-буржуазный строй. В низу пирамиды изображены придавленные верхними ярусами рабочие и крестьяне. Вокруг них надписи: „Мы работаем на вас“, „Мы кормим вас“. Выше расположились пирующие помещики и капиталисты („Мы едим за вас“). В третьем ярусе находится царская армия („Мы стреляем в вас“). Еще выше стоит духовенство („Мы морочим вас“). На предпоследнем ярусе у ступеней царского трона—министры и чиновники („Мы правим вами“). Наконец, на самой вершине сидят на троне царь и царица („Мы царствуем над вами“).

Под всей пирамидой написано:

„Но настанет пора,
Возмутится народ,
Разогнет он усталую спину

И дружным могучим напором плеча
Опрокинет он эту махину"...[1]

„Товарищи, помните первое мая!", „Товарищи, не работайте 1-е мая"!—призывали прокламации, и рабочие откликались на этот призыв. Первого мая 1903 года происходили забастовки и демонстрации рабочих в Иркутске, на станции Иннокентьевской (близ Иркутска), в Чите, Томске, Красноярске, Новониколаевске.

На станции Иннокентьевской в депо Сибирской железной дороги возникла стачка, происходившая под руководством Иркутского партийного комитета. На предварительных собраниях рабочие выработали свои требования, включив восьмичасовой рабочий день и возвращение рабочим всех штрафов, взысканных с них со времени открытия мастерских. Требования были воспроизведены в прокламациях Иркутского комитета, которые распространялись на станции Иннокентьевской. Забастовка продолжалась четыре дня. В Иннокентьевскую выехали губернатор и жандармы и произвели несколько арестов, но это не испугало рабочих.

Особенно оживленно день 18 апреля (1 мая) прошел в Томске.

„18 апреля забастовали 4 завода, 4 или

---

[1] Прокламация Сибирского Соц.-дем. союза, № 8, апрель 1903 г.

5 мастерских с количеством рабочих от 25 до 35 чел.—каждая, несколько мелких ремесленных заведений и рабочих на одной каменной постройке. На нескольких заводах, мастерских, во всех типографиях и на многих постройках имела место лишь частичная забастовка. Во многих домах прислуга ушла с полдня и возвратилась ночью, заявляя хозяевам, что „сегодня наш праздник". С 12 часов дня улицы приняли необычный вид: на них появились в значительном количестве рабочие, из них многие были одеты по-праздничному, масса любопытных обывателей; шныряли шпионы, городовые, жандармы. К двум часам тротуары с обеих сторон Почтамтской улицы на протяжении нескольких кварталов были покрыты густой толпой гуляющих. Тут же была вся полиция. Среди толпы можно было видеть возбужденные лица рабочих. Демонстрация однако не начиналась. Говорили, что Комитет ждет больше публики. Около 3-х часов вдруг в одном месте выделилась группа человек в 30, запела революционную песню, выкинула красное знамя с надписью: „Долой самодержавие!" и двинулась по улице. Публика осталась на тротуарах, не решаясь пристать, другие рабочие рассыпались отдельными группами и не успели примкнуть. Полиция, как стая гончих, бросилась на демонстрантов, завязалась схватка, и трое были арестованы.

Знамя было спасено. Толпа росла и к 4 часам передвинулась к центру города. Уговоры полицейских и угрозы ни к чему не вели. Новые попытки арестов не удавались, толпа отбивала. Из толпы все чаще и чаще стали раздаваться возгласы, покрываемые громкими „ура"...[1]

К вечеру в самый критический момент, когда полиция пыталась окончательно рассеять демонстрантов, на улицах Томска появились новые революционные резервы, поднявшие „гордо и смело знамя борьбы за рабочее дело". Это были типографские рабочие. Перед пролетарским праздником Томский комитет РСДРП усиленно вел среди печатников агитационно-пропагандистскую и организационную работу. Решили, что днем 1 мая печатники для отвода глаз жандармам и полиции будут работать, чтобы вечером неожиданно для царских ищеек выступить и стать ядром новой демонстрации. Так и сделали. Когда послышались гудки, извещавшие об окончании работ, на улицах Томска началось оживление. С развевающимися красными знаменами вышла колонна печатников в 200 человек. Народ обступил их и, влившись в колонну, пошел вперед. Образовалась

---

[1] „Искра", № 40, 1903 г.

Майская демонстрация в Томске описана на основании корреспонденции „Искры" и воспоминаний участников в статье „Маевки в Сибири". Журнал „Сибирские огни", № 2, 1938 г.

мощная демонстрация в несколько тысяч человек, которая привела полицию в панику. Рабочие избили помощника пристава, околоточного и городового, пытавшихся арестовать одного из демонстрантов. Когда демонстранты стали быстро спускаться с горы, полицейские, вообразив, что рабочие бросились на них, начали исчезать с улицы.

„Спустившись с горы,—пишет корреспондент „Искры“,—демонстранты выстроились, выкинули знамя и с песнями двинулись к 5-й части, где сидели четверо арестованных днем. Окружив часть, демонстранты потребовали освобождения арестованных. Перепуганные полицейские солгали и сказали, что арестованные увезены в 3-ю часть, к ней и направились демонстранты. Было уже около 9 часов вечера, стало темнеть. Теперь демонстрантов было около 5000 чел.—в том числе студентов сравнительно немного. Громкие песни и громкое „ура“ доносились, как говорят, до окраин города. Строительные рабочие и чернорабочие принимали деятельное участие, при этом пели „Дубинушку“ на свой лад, между прочим—один куплет своего собственного сочинения, что они за студентов пристанут и Кухтерину (местный Крез, высылавший своих мясников бить студентов 18 февраля) плохо станет“[1].

---

[1] „Искра“, № 40, 1903 г.

Демонстранты продолжали двигаться по направлению к полицейской части. Дорогой была сделана остановка на большом мосту, во время которой произносились речи. Стало совсем темно. Вдруг демонстрантам преградили путь солдаты и полицейские. Первые бросились на толпу с прикладами, вторые — с шашками, а „объездные" (конная полиция) — с нагайками. Сначала рабочие бросились бежать, но затем остановились. В полицейских градом посыпались камни. Встретив такой отпор, полиция и солдаты отступили.

Демонстрация кончилась, но народ еще не расходился до двух часов ночи. Царская администрация вызвала две роты солдат, которые разгоняли толпу. Ночью происходили аресты, всего в день 1-го мая было арестовано полицией 36 человек.

Первомайская демонстрация 1903 года в Томске, продолжавшаяся в общем 12 часов, имела большое значение в деле политического воспитания рабочих масс. Сибирский союз РСДРП, характеризуя на основании статей ленинской „Искры" подъем революционного движения во всей России, писал в прокламации „Ко всем рабочим и служащим по найму в Сибири":

„Томские рабочие 18 апреля показали всей России, что и Сибирь вступила в великую освободительную борьбу". Корреспондент

„Искры“ указывал по поводу томской демонстрации: „Весь город взбудоражен, повсюду бесконечные толки о всемирном рабочем празднике. Рабочие довольны, что праздник прошел, „как должно“, досадуют, что не удалось отбить всех арестованных товарищей. Демонстрация несомненно оказала громадную услугу в деле политического воспитания местных рабочих масс“[1].

В Красноярске накануне Первого Мая и в самый день пролетарского праздника распространялись прокламации Сибирского союза и местного партийного комитета. Красноярский комитет РСДРП призывал рабочих к однодневной забастовке и демонстрации под лозунгами: „Да здравствует праздник труда!“, „Да здравствует 8-часовой рабочий день!“ Попытка организовать первомайскую демонстрацию в Красноярске была подавлена жандармами и черносотенцами, но рабочим все же удалось отметить этот великий день забастовкой в железнодорожных мастерских.

Сибирский союз РСДРП, заявивший в своей декларации, выпущенной в январе 1903 года, о том, что он стоит под знаменем ленинской „Искры“, широко развернул революционную пропаганду и агитацию.

„Сибирь—страна ссылки, эта могила для

---

[1] „Искра“, № 40,—1903 г.

лучших людей, где раздавались лишь стоны да ззон кандалов, огласилась вдруг боевыми криками рабочих. Застоявшееся болото всколыхнулось. Города: Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита и даже Харбин впервые увидели, как рабочий заносит в самые глухие углы нашей родины радостную весть о свободе. По всей линии завязалась борьба!"—читаем в одной из прокламаций Сибирского союза за 1903 год.

В 1904 году первомайский праздник отмечался в самый разгар русско-японской войны. Поэтому в агитационно-пропагандистской работе, посвященной Первому Мая, большое место занимали вопросы, связанные с войной,—прокламации и ораторы на сходках вскрывали сущность кровавой бойни, затеянной эксплуататорскими классами обеих стран, и призывали к самой решительной борьбе против эксплуататоров.

Центральный комитет РСДРП выпустил в 1904 году листовку „Первое Мая", составленную В. И. Лениным. В этой листовке читаем:

„Протестовать против этой преступной и разорительной войны должны все сознательные пролетарии России. Они должны в день 1 мая—в день международного праздника рабочего класса—показать, что пролетариат не признает национальной вражды, что русские и японские рабочие, вынужден-

ные своими правительствами сражаться во вражеских рядах, сознают себя членами одного класса, связанными братской солидарностью. Та же эксплуатация капитала гнетет и японских рабочих, то же положение низшего класса занимают они в своей стране. Как и русские рабочие, они вступили уже в борьбу за свое освобождение. И в то время, как на берегах Тихого океана тысячи человеческих жизней истребляются ради интересов правительств и эксплуататоров, русские и японские сознательные рабочие требуют мира, выступая единственными защитниками дела человечества, дела цивилизации. И во имя этого дела русские рабочие требуют уничтожения самодержавия, этого палача свободных народов, разоряющего свой собственный народ и охраняющего все виды эксплуатации, гнета и порабощения."...

Прокламация заканчивалась призывом:

„Долой войну!

Да здравствует восьмичасовой рабочий день!

Да здравствует международная революционная социал-демократия!

Долой преступное и разбойническое царское самодержавие!". (В. И. Ленин. Соч. Т. VI, стр. 339—340).

Сибирский комитет РСДРП на протяже-

нии 1904 года, начиная с февраля, выпустил и распространил целый ряд прокламаций к рабочим и солдатам по поводу русско-японской войны. Такие же прокламации издавались и Томским, Иркутским и другими партийными комитетами. В Чите, Красноярске, Томске, Иркутске, на станции Мысовой (Забайкальской железной дороги) происходили нелегальные собрания рабочих под лозунгами: „Война войне!“, „Долой войну!“, „Долой самодержавие!“, „Да здравствует международная социал-демократия!“

Вот одна из резолюций сибирских рабочих:

„Мы, читинские рабочие, собравшись по приглашению местного комитета Российской Социал-демократической Рабочей Партии на сходку в количестве 60 человек, единогласно постановили:

Во-первых, протестовать всеми силами против нелепой и преступной русско-японской войны, затеянной царским самодержавием исключительно в интересах своего самосохранения; во-вторых, засвидетельствовать, что во все время этой войны единственным истинным выразителем народных интересов являлась российская социал-демократия; в-третьих, заклеймить преступный союз, который старается заключить наша либеральствующая буржуазия, в лице съезда земских деятелей с „троном“ для совмест-

ного угнетения рабочего народа; в-четвертых, энергично агитировать среди еще недостаточно политически сознательной народной массы в пользу свержения царского самодержавия и замены его самодержавием народа"[1].

К первому мая 1904 года Сибирский союз выпустил в большом количестве два издания первомайских прокламаций и брошюру „Первое Мая в России в 1903 году".

„Нынешний майский праздник (18 апреля) должен превратиться в грозное движение против войны,— говорилось в прокламации Сибирского союза.—Пролетарии всех стран— наши братья. Придет время, когда все эти братья дружно подадут друг другу руки и, как огромную пиявку, стряхнут современный строй, построенный на рабстве и угнетении".

Первомайские массовки происходили по лесам и оврагам возле городов: Томска, Иркутска, Красноярска, Верхнеудинска.

Томский комитет РСДРП организовал в 1904 году первомайское собрание рабочих и студентов (присутствовало более 100 человек) в лесу, в двух верстах от города. О маевке узнала полиция, но она явилась поздно, участники маевки успели разойтись.

---

[1] Прокламация Иркутского комитета РСДРП „К солдатам". Январь 1905 г.

„В 1904 г. первый раз, пожалуй, в жизни в Верхнеудинске часть рабочих праздновала в лесу свой пролетарский праздник—Первое Мая. Тут же они поклялись бороться до тех пор, пока будут иметь возможность праздновать свой пролетарский праздник открыто и свободно, и красное знамя будет реять гордо над небосклоном“[1].

В Иркутске первомайский митинг собрался у кладбища по Амурскому тракту. По извещению местной партийной организации через надежных рабочих и интеллигентов собралось около 500 человек. С импровизированной трибуны послышались волнующие, призывающие к борьбе слова ораторов о первомайском празднике и его международном значении. Закончились речи, но уходить никто не хотел. Настроение приподнятое. Внесено предложение дружной демонстрацией пройти по улицам города. Это предложение встретило единодушное согласие.

Было решено во избежание разгона и арестов двинуться на демонстрацию не с места митинга, а с Тихвинской площади (площадь Кирова). Оттуда решили пройти по Большой улице (улица К. Маркса) до Интендантского сада на Шелашниковской улице (ул. Октябрьской революции). Сбор

---

[1] Сборник „1905 год в Прибайкалье“, Верхнеудинск, 1925 г.

назначили на 5 часов вечера, но первоначальный план демонстрации пришлось изменить. До участников маевки дошли слухи, что полиция проведала о демонстрации и месте ее сбора. Тогда демонстранты решили изменить маршрут и собраться прямо в Интендантском саду. Часов в 7 вечера в саду собралась толпа демонстрантов. В самом центре ее взвилось и трепыхалось весенним ветерком красное знамя. На красном полотнище белели слова первомайского лозунга: „Да здравствует 1-е Мая—Международный праздник рабочего класса!"[1]

Послышались речи ораторов, раздались революционные песни. Никогда еще Интендантский сад не видел подобного зрелища. Демонстрация продолжалась около часа. Участники ее узнали, что к саду стягиваются усиленные наряды полиции и казаков. Демонстранты вышли на берег реки Ушаковки и разошлись по домам. Когда полицейские ворвались в сад, там уже никого не было...

Дружно прошел первомайский день на красноярских „Столбах". По призыву местного партийного комитета к „Столбам" собрался народ. Часам к 10 утра пришло более 250 человек. Начался митинг. Оратор, выступивший от Красноярского комитета,

---

[1] „Первое мая в прошлом", газета „Власть труда", Иркутск, 1925 г., № 98.

обрисовал историю возникновения и значение первомайского праздника. За ним выступили другие товарищи. Митинг закончился около 8—9 часов вечера.

Участники маевки зажгли костры, пили чай, пели песни. В темноте взвивались ракеты. Все громче и громче раздавались революционные песни... Казалось, что полиция, всегда готовившаяся к подавлению первомайских выступлений, и не подозревает, что красноярцы отмечают пролетарский праздник на „Столбах". Жандармы узнали об этом лишь поздно вечером. Часов в 11 вечера участники маевки были встревожены гиканьем и свистом казаков, окруживших самый большой костер и избушку в районе „Столбов", но в темноте большинству демонстрантов удалось скрыться.

1 МАЯ В 1905 ГОДУ

Революция 1905 года охватила самые отдаленные места России, в том числе и Сибирь. Во главе революции шел под руководством большевиков пролетариат, ведущий за собой миллионы крестьян. Это был период, когда, по определению В. И. Ленина, „Сотни революционных социал-демократов „внезапно" выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев. Пролетарская борьба вызвала

большое брожение, частью и революционное движение, в глубинах пятидесяти-стамиллионной крестьянской массы, крестьянское движение нашло отзвук в армии и повело к солдатским восстаниям, к вооруженным столкновениям одной части армии с другою. Таким образом колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа“ (В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 345).

В Сибири Первое Мая 1905 года отмечалось в атмосфере революционного оживления. Сибирский союз выпустил к первомайскому празднику прокламации, призывавшие к всеобщей политической стачке и вооруженному восстанию против самодержавия. „Восстание для свободы! Свобода для борьбы за социализм!—Таков путь к освобождению рабочего класса от гнета капиталистов—богачей“,—призывали прокламации.

В Томске первого мая 1905 года состоялось две загородных массовки. В Красноярске накануне первого мая происходило собрание рабочих железнодорожных мастерских, принявшее постановление о всеобщей политической стачке. Первого мая красноярские железнодорожники устроили загородную маевку, на которой присутствовало около 100 человек.

В Новониколаевске по призыву местной организации РСДРП рабочие первого мая собрались на митинг в железнодорожном собрании. Затем с красным знаменем демонстранты направились к центру города. Их встретили казаки, начавшие избивать рабочих нагайками. Демонстрация была разогнана.

Первомайские митинги происходили в Чите и Владивостоке. На митингах распространялись прокламации. В городах и рабочих поселках Забайкалья были расклеены прокламации с первомайскими лозунгами.

Маевки проходили также в Омске, Кургане и в других населенных пунктах по линии Сибирской железной дороги.

В Иркутске за несколько дней до первомайского праздника состоялась демонстрация протеста по поводу вторичного суда над „романовцами". Так называли политических ссыльных Якутской области, устроивших в 1904 году вооруженный протест против произвола царских сатрапов, обрекавших политссыльных на голодную смерть в северной глуши. В целях протеста в Якутск съехались 57 ссыльных. Во главе их стояли большевики Костюшко-Валюжанич и Курнатовский. Они, вооружившись, забаррикадировались в доме якута Романова (отсюда и название „романовцы"). Политические ссыльные заявили, что они не разъедутся из

Якутска до тех пор, пока не будут отменены так называемые „Кутайсовские правила“[1]. Царская администрация окружила дом солдатами, начавшими обстрел. 18 дней оборонялись „романовцы“. Весь дом был изрешечен пулями. Было ранено трое ссыльных и один убит.

„Романовцев“ приговорили к 12-летней каторге, но их героический протест не прошел даром. О нем узнали рабочие Европейской России, начались демонстрации солидарности с „романовцами“. В результате царское правительство было вынуждено отменить „Кутайсовские правила“. „Романовцы“, осужденные на каторгу, подали апелляцию в Иркутский окружной суд. Они, конечно, не возлагали никаких надежд на царскую „юстицию“, но хотели использовать суд для агитации против царизма. В день суда 18 (5) апреля 1905 года Иркутский комитет РСДРП устроил демонстрацию. Около здания судебных установлений собралось около 200 демонстрантов. После краткой речи о „романовцах“ демонстранты направились от Ивановской площади (теперь Пролетарская ул.) через Большую (ул. К. Маркса) к городскому театру. Послышались революционные песни, раздавались

---

[1] Названы по фамилии иркутского генерал-губернатора графа Кутайсова.

возгласы: „Долой самодержавие!“ По пути демонстранты разбрасывали в большом количестве прокламации Иркутского комитета. В прокламациях говорилось:

„На далеком Севере группа смелых изгнанников подняла знамя борьбы с самодержавием и одержала победу.

Протест романовцев будет блестеть на страницах русской истории, как снег при северном сиянии в том крае, где романовцы воздвигли первый революционный фронт. Русский пролетариат чтит в романовцах своих передовых борцов. Сегодня этих борцов судит самодержавие. Сегодня еще его день. А завтра... завтра русский народ с сознательным пролетарием во главе вынесет смертный приговор самодержавию!“.

Удачный опыт демонстрации 18 (5) апреля был использован в день Международного пролетарского праздника.

Иркутский комитет РСДРП решил ознаменовать Первое Мая 1905 года демонстрацией в городском театре. К выступлению хорошо подготовились. Закупили большое количество билетов на балкон и галерку, распределили их среди членов партийной организации и группы рабочей и учащейся молодежи, запаслись первомайскими прокламациями Сибирского союза РСДРП, точно условились о времени начала демонстрации и порядке ее проведения.

Первого мая 1905 года Иркутский городской театр был переполнен зрителями. В партере и ложах важно расселись купцы, чиновники, генералы и офицеры со своими женами и детьми, они презрительно посматривали снизу вверх на „простую публику"— рабочих, ремесленников, учащихся, находившихся на галлерее и балконе. В театре шла опера „Черевички".

В 9 часов вечера во время первого действия публика аплодировала оперному артисту Мосину. Вдруг на галерке послышались шум и крики, и оттуда в разные стороны посыпались узенькие и длинные бумажки. Это были первомайские прокламации Сибирского союза. Они разжигали ненависть к врагам рабочего класса и призывали к самой решительной борьбе с ними. Одни— рабочие, передовая учащаяся молодежь читали эти прокламации с восторгом. Другие— обитатели партера со страхом отбрасывали от себя „опасные" листки, пугливо оглядываясь на полицмейстера и полицейских.

На прокламациях выделялся лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" и мелкими буквами были напечатаны боевые слова: „Еще раз придется отпраздновать свой праздник под тяжелой лапой самодержавия! Еще раз! И, может быть, последний раз, товарищи! Уже более десятка лет в этот день российские рабочие могучим натиском плеча

разрывают цепи, наложенные на них царской монархией, и голос их громко и свободно раздается на всю Россию, долетает до заграничных товарищей и там находит себе отклик знакомый и родной: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Не раз в этот день российские рабочие под красным знаменем проливали свою кровь. Свободный и торжественный смотр пролетарской армии за границей превращается у нас в кровавую битву с проклятым самодержавием. На наших знаменах, подымаемых 1 мая, были записаны те же требования, что и рабочих всего мира... В этот замечательный год, год начала всероссийской революции, мы еще раз с цепями на плечах будем встречать свой праздник Первое Мая. Весь мир будет следить за нашим движением, весь рабочий мир будет посылать нам горячий привет. Еще раз, с цепями на плечах... И пусть это будет в последний раз, товарищи рабочие! Подготовка к восстанию с оружием в руках—вот о чем мы будем говорить на собраниях Первого Мая. Только всенародным восстанием мы сможем покончить с царской монархией... Майский праздник — праздник пролетариев всех стран. Пролетарии всего мира соединяются для того, чтобы уничтожить старый мир, мир капитализма, неравенства, эксплуатации, чтобы на развалинах старого мира устроить новый мир—мир со-

циализма. Восстание для свободы! Свобода для борьбы за социализм!— Таков путь к освобождению рабочего класса от гнета капиталистов—богачей...“[1].

Разбрасывание прокламаций явилось сигналом к началу демонстрации. Выступил оратор Иркутского комитета РСДРП с краткой речью о значении Первого Мая, как дня международной пролетарской солидарности, с призывом к борьбе против войны и самодержавия. „Да здравствует Первое Мая!“— закончил свою речь оратор, и этот призыв был дружно подхвачен демонстрантами. Они потребовали, чтобы оркестр исполнил „Марсельезу“, но полицмейстер запретил музыкантам. Тогда демонстранты запели сами:

„Вставай, подымайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный,
Раздайся клич мести народной,
Вперед, вперед, вперед!..“

Со всех сторон полетели новые пачки прокламаций, усеявшие театральный зал. Испуганный полицмейстер побежал за ротой солдат. Во время второго действия он привел их на галлерею и обратился к командиру роты с требованием очистить галлерею от публики. Офицер отказался, заявив, что он не находит никакого беспорядка. Во время следую-

[1] Иркутский Облархив, фонд 2, дело № 381, лист 164—168.

щего антракта и третьего действия на галлерее продолжалось пение революционных песен.

Напуганные демонстрацией купцы, чиновники, военные чины со своими „чадами и домочадцами“ в панике покидали зал, пробираясь к вешалкам. Полицмейстер приказал дирекции театра прекратить спектакль, и перед началом четвертого действия режиссер объявил, что спектакль продолжаться не может. Публика начала поспешно выходить.

В это время галлерея была уже оцеплена солдатами и городовыми, занявшими все выходы. Жандармы пытались разыскать и схватить оратора и тех, кто разбрасывал прокламации, но окружавшие их товарищи не допустили арестов. Публике было приказано выходит по очереди для того, чтобы переписать всех участников демонстрации, но она отказалась и потребовала, чтобы увели солдат и не делали перепись.

Этим временем часть публики, оставшаяся внизу, начала переговариваться с находящимися на галлерее и высказала свою решимость не уходить из театра до тех пор, пока не будут освобождены зрители, находившиеся на галлерее. Лишь в два с половиной часа ночи галлерея стала освобождаться от зрителей, причем каждого выходящего полицейские записывали. Всего было переписано 107 человек, но организаторов

демонстрации полицейским выявить не удалось...

По поводу первомайской демонстрации в театре Иркутский комитет РСДРП издал особую прокламацию. Удачное проведение этой демонстрации произвело большое впечатление на трудящихся города. Она явилась толчком к организации новых маевок в Иркутске.

...„Публика начинает понемногу просыпаться,—читаем в одном из писем, перехваченных Иркутской охранкой.—Было уже несколько массовых собраний. На трех этих собраниях я сам имел честь присутствовать. Все эти массовки рассчитаны на широкую публику, преимущественно же на рабочих. Собираются человек 200—300. С первой массовки, которая была в Глазково[1] в лесу около кладбища, мы с песнями прошли по всей Глазковой до самого моста; полиция не успела вмешаться. Вторая окончилась не так благополучно, как первая. Она была против Малой-Разводной[2]. Полиция об этом пронюхала, и когда мы пошли со сходки, нас почти всех загнали в 4 часть и там переписали... Третья массовка была еще замечательнее, состоялась она в том же месте, где была и первая, но окончить ее не удалось, так как

---

[1] Предместье г. Иркутска при станции ж. д.
[2] Деревня в 3-х *км.* от Иркутска.

явились казаки и всех нас окружили. Потом явился полицмейстер и потребовал, чтобы мы разошлись, что и было исполнено. Причем по Глазковой мы шли все вместе, окруженные казаками. В городе же, помучивши полицмейстера и поигравши с казаками, разошлись по домам. Это было как раз в день объявления „куцой конституции". Сегодня забастовали рабочие Иркутского депо. Выставлено 40 требований политических и экономических"[1]. (Письмо датировано 7 сентября 1905 г.).

Там, где не удалось отметить первомайский праздник 18 апреля, он был перенесен на 1 мая по старому стилю. 1 (14) мая 1905 года во всех городах Сибири распространялись прокламации Сибирского союза и местных комитетов РСДРП, призывавшие к всеобщей стачке и подготовке вооруженного восстания...

Иркутский комитет РСДРП распространял в конце апреля и начале мая прокламацию: „К всеобщей стачке. (Ко всем рабочим и работницам г. Иркутска)"... „К стачке, товарищи! К борьбе! от имени рабочих всей России зовем мы вас. Уже по всей России проснулся рабочий народ"—призывала прокламация.

---

[1] Иркутский Областной архив, фонд 3, дело № 41, лист 211.

Сибирский союз в своей прокламации, изданной в мае 1905 года, писал, обращаясь к пролетариату и всем трудящимся:

„...Помните, что решительный час революции близится и что только борьбой, с оружием в руках, можно уничтожить народного врага. Долой царизм! Да здравствует всенародное восстание! Да здравствует передовой борец революции—российский пролетариат! Да здравствует революционная организация пролетариата—Российская С.-Д. Рабочая Партия!"

За период—май-сентябрь 1905 года происходили забастовки рабочих и служащих в Черемхово, Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Чите и на станции Иланской.

В октябре 1905 года сибирские рабочие дружно примкнули к всеобщей политической стачке, охватившей Россию. Забастовала железная дорога, промышленные и торговые предприятия, учебные заведения.

Начались многолюдные митинги, демонстрации с красными знаменами и пением революционных песен. После Октябрьской всеобщей стачки в ряде городов России возникают Советы Рабочих Депутатов, ставшие органами восстания и зачатками революционной власти. Так было и в Сибири. В Иркутске организовался Совет Депутатов Рабочих и Служащих Забайкальской железной дороги, в Красноярске—Совет Рабочих и

Солдатских Депутатов гор. Красноярска, в Чите—Совет Рабочих, Солдатских и Казачьих депутатов.

В ноябре-декабре 1905 года восставшие под руководством большевиков рабочие и солдаты в Красноярске и Чите фактически, хотя и на короткий период, захватили власть в свои руки. Революционная борьба пролетариата в 1905 году отразилась и в сибирской деревне. Крестьяне отказывались платить подати и выполнять натуральные повинности царскому правительству, уплачивать ругу (натуральный сбор) духовенству. На Алтае и в Забайкальской области крестьяне захватывали кабинетские и монастырские земли.

Революция 1905 года потерпела поражение, но ее опыт имел огромное значение. 1905 год явился генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции.

В ГОДЫ РЕАКЦИИ

В годы реакции, в атмосфере разгула карательных экспедиций, обывательского страха, уныния, отхода от революции колеблющихся мелкобуржуазных элементов, революционный пролетариат, руководимый большевиками, не терял бодрости и готовился к новой борьбе до полной победы над классовыми врагами.

Каждый год департамент полиции рассылал всем жандармским управлениям грозные приказы о принятии самых суровых мер против попыток „Организовать первого мая забастовки, митинги и массовый выпуск агитационных листков“. Однако маевки продолжались. Через день-два после получения приказов об „искоренении маевок“ жандармам приходилось доносить о разбрасывании многочисленных прокламаций, которые „призывают к воруженной борьбе с правительством за свободу, социализм и 8-мичасовой рабочий день и приглашают отпраздновать всеобщей однодневной забастовкой Международный рабочий праздник 1-е Мая“.

В 1906—1908 годах продолжали работать подпольные типографские станки местных организаций РСДРП в Томске, Омске, Красноярске, Иркутске, Чите, Верхнеудинске, Барнауле, Новониколаевске и других пунктах. Попрежнему выпускались и распространялись первомайские прокламации. После арестов, провалов типографий, они лишь временно приостанавливали свою работу.

В Томске одним из организаторов и непосредственных работников подпольной партийной типографии в 1906 году был молодой большевик, пламенный энтузиаст революционного дела С. М. Костриков (Киров). После того, как подпольные типографии Томска одна за другой раскрывались поли-

цией, Сергей Миронович представил в комитет партии новый проект типографии, которую не могли бы обнаружить полицейские. Типография была оборудована в специально вырытом подполье под одним из домов на окраине города; стены обшили тесом.

В подвале установили большую чугунную печь, наборные кассы и самодельный печатный станок. Сергей Миронович предусмотрел каждую мелочь, чтобы обеспечить успешную работу типографии. Она просуществовала до 1908 года.

Работая в Томском комитете партии, товарищ Киров организовал в 1905 году две подпольных партийных группы на станции Тайга. Он снабжал их марксистской литературой, листовками, газетами, организовывал массовки. В 1906 году Сергей Миронович, как организатор и руководитель, принимал непосредственное участие в маевке тайгинских железнодорожников.

За два дня до Международного пролетарского праздника Сергей Миронович приехал из Томска на станцию Тайга, как пропагандист Томского комитета РСДРП. Вечером в день приезда Сергея Мироновича была устроена в лесу первая массовка рабочих. На массовке товарищ Киров говорил о значении дня 1 мая, призывая к сплочению революционных сил и вооруженной борьбе с царизмом. Массовка прошла с большим подъ-

емом. Рабочие усиленно готовились к 1 мая, было решено, что в этот день никто из рабочих железнодорожного депо не выйдет на работу. Утром 1 мая 1906 года рабочие собрались в цех, но не для того, чтобы приступить к работе, а для организации маевки. Во главе их был Сергей Миронович.

„Кто-то сообщил, что идет начальник участка Калугин. Все немедленно попрятались. Начальник обратился к табельщику:

— Где рабочие?

— Не могу знать.

— Старший мастер был?

— Был, да ушел.

Начальник пошарил по цеху глазами и быстро вышел из него.

Костриков развернул на плите красное знамя. На нем была нашита надпись: „Да здравствует 1-е Мая!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

С развернутыми знаменами небольшая группа рабочих вышла из мастерских через железнодорожную линию в поселок. Уже на путях к ней начали присоединяться рабочие, их семьи, служащие и приказчики. Через полчаса эта группа была в несколько сот человек..."[1]

В лесу был митинг, выступал Сергей

---

[1] Г. Пушкарев. „С. М. Киров в Тайге". Журнал „Сибирские огни", Новосибирск, 1938 г. № 3—4, стр. 93.

Миронович, произнесший пламенную речь о задачах революционного движения. В четыре часа дня митинг закончился, рабочие разошлись в приподнятом настроении.

В городах Сибири распространение первомайских прокламаций и загородные массовки, на которых произносились речи о значении Международного пролетарского праздника, стали традиционным явлением. Прокламации 1 мая распространялись обыкновенно в местах наибольшего скопления народа. В 1907 году большое количество первомайских прокламаций Иркутского комитета РСДРП под заголовками: „Пролетарский праздник 1-е мая" и „К рабочим по поводу первого мая" разбрасывалось на Иркутском циклодроме и непосредственно раздавалось рабочим.

Первого мая 1907 года рабочие Никольск-Уссурийских железнодорожных мастерских в 10 часов утра прекратили работу и вышли на митинг с красными знаменами. Солдаты, отправленные царской администрацией для разгона митинга, отказались повиноваться команде офицера. Вечером они сами пришли на митинг. Под влиянием политических ссыльных, заброшенных на далекий север, в мае 1908 г. происходила демонстрация крестьян в селении Чекурском, Олекминского округа, Якутской области. Местные крестьяне с пением революционных песен: „Вставай, подымайся, рабочий народ", „Вихри враждебные

веют над нами", подняв красные флаги, прошли несколько раз по селу[1].

Первое Мая отмечалось даже на этапах и в тюрьмах, где томились политические заключенные. В этот день, „сметая все преграды, презирая все путы, игнорируя все атрибуты власти, серые куртки поднимались, как один человек, и бурно, пламенно приветствовали первое мая сквозь решетки, сквозь все двери и затворы, крича миру, грядущей революции, оставшимся на воле друзьям по прошлой борьбе и всем недругам:

— „Мы еще живы!..."[2]

В сердца измученных скитаниями по этапам и тюрьмам борцов вливались новые силы. Пленники царизма еще глубже сознавали свою связь с революционными массами, еще сильнее поднималась жажда борьбы и свободы...

Вот слышится заунывный лязг кандалов. Накануне 1-го мая партия каторжан движется к Александровскому централу. Политические каторжане, переговариваясь друг с другом, решают забастовать в день Международного пролетарского праздника, заявив конвойному начальству, что в дальнейший путь двинутся только 2-го мая. Решено устроить летучий митинг с революционными

---

[1] Иркутский Облархив, фонд 5, дело № 1079.

[2] А. Соболь. Записки каторжанина. Москва, 1926 г.

речами и песнями. Наступил день Первого Мая. Политические заключенные отказались двинуться дальше. Неожиданно для конвойного начальства во дворе этапной тюрьмы собрался митинг. Послышался громкий голос оратора, говорившего о значении первомайского праздника. Заключительные слова покрываются пением революционных песен.

Сначала старший конвоя растерялся от неожиданной смелости этого выступления. Когда он опомнился, летучий митинг уже прошел. Расплата наступила позже.

После митинга политических каторжан заперли в этапку. Весь день там раздавались революционные песни. На следующее утро хлынул проливной весенний дождь. Тюремщики решили учинить расправу над участниками маевки. Политических каторжан бешено погнали к централу. Сзади и с боков на них налетали конвойные, били прикладами и гнали вперед. Падавших снова поднимали прикладами, били по ногам. До самого централа продолжался этот исступленный мучительный бег.

В 1909 году Первого Мая отмечали политические заключенные красноярской тюрьмы. В конце тюремного коридора соорудили из досок небольшой помост. На нем выступали ораторы, говорившие о Международном пролетарском празднике и об Интернационале. Их сменили певцы и декламаторы, читавшие

революционные стихи. Импровизированный хор исполнил: „Интернационал“, „Марсельзу“, „Вы жертвою пали“, „Варшавянку“ и „Дубинушку“.

В 1910 году приближался знаменательный День 1 Мая. Политические заключенные Александровской пересыльной тюрьмы решили достойно отметить Международный пролетарский праздник. Общее собрание, постановившее отметить этот день „самым торжественным образом, как только возможно в условиях тюремного режима“, выделило две комиссии: идейную и экономическую. Первая должна была организовать политическо-художественную часть праздника, вторая—устроить праздничное угощение. Началась оживленная подготовка.

Наступил день 1 Мая. Настроение у всех политических заключенных было приподнятое. Прошла утренняя поверка. После чаю собрались в одном из бараков. Устроили небольшую трибуну. За ней на стене прикрепили небольшой портрет (открытку) К. Маркса. Начался первомайский митинг. Среди тюремных стен раздались торжественно-призывные звуки Международного пролетарского гимна:

„Вставай проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов.
Кипит наш разум возмущенный,
И в смертный бой вести готов!..“

Товарищ, открывший митинг, произнес краткое вступительное слово о значении празднования 1 Мая и предложил почтить вставанием память погибших за дело революции. Все встали, и хор с большим чувством пропел траурный марш: „Вы жертвою пали в борьбе роковой..“ Затем после исполнения „Марсельезы“ („Отречемся от старого мира“) выступил главный докладчик о Международном празднике. Это был крупный партийный работник Украины и Урала, большевик тов. Артем (Сергеев). Он дал блестящую характеристику текущего политического момента, обрисовал годы реакции и начавшийся революционный подъем, подробно остановился на характеристике революционного движения пролетариата в России, Европе и Америке. Тов. Артем призывал к революционной стойкости и закончил свой доклад словами:

„Да здравствует Международный пролетариат!

Да здравствует социализм!

Да здравстует 8-мичасовой рабочий день!

Долой самодержавие!“

После доклада т. Артема выступило еще несколько ораторов. Они говорили о важности празднования 1 Мая, призывали к бодрости и готовности к новой борьбе. В перерыве между речами пели революционные песни. Первомайское собрание продолжалось

с утра до обеда. За этот период времени тюремная администрация не показывалась в камерах политических. После вечерней поверки был организован импровизированный литературно-вокальный вечер, посвященный празднованию 1 Мая.

В большой половине одного из бараков искусно соорудили сцену с раздвигающимся по обе стороны занавесом, вверху прикрепили большое красное знамя с надписью „1-е мая 1910 года“. По открытии занавеса один из политических заключенных произнес речь о политическом значении первомайского праздника. В заключение оратор предложил почтить память погибших борцов. Спели траурный марш. После краткой речи были продекламированы стихотворения 1 мая (на украинском языке) и „8-часовой рабочий день“—Тана.

Этим окончилась торжественная часть вечера. Началось художественное отделение. После открытия занавеса хор исполнил народную песню „Все в лес!“, затем началась декламация стихотворений: „9 января“ и „Не рыдай так безумно над ним“ (Некрасова).

Огромное впечатление произвел сочный и задушевный голос певца, исполнившего соло „Два гренадера“. После стихотворения „Каменщик“—В. Брюсова, продекламированного одним из заключенных, второй певец, бас, спел „Так жизнь молодая“.

С большой экспрессией прочитано стихотворение Рукавишникова „Кто за вас?“ Двое заключенных пропели „Не шей ты мне, матушка, красный сарафан“, удачно имитируя женские голоса.

Началось второе отделение. Трое спели „Назови мне такую обитель“—Некрасова, после декламации стихотворения „Уходи“, один из чтецов произвел фурор стихотворением Алексея Толстого „У приказных ворот“. На настоятельные вызовы была исполнена песня „Раз полосоньку я жала“. В заключение хор пропел „Пусть кипит бокал заздравный“... По просьбе присутствующих была исполнена „Марсельеза“ и „Смело, товарищи в ногу“. Послышались слова, звучавшие уверенностью в победе:

„Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда...“

Первомайский вечер был так быстро и конспиративно организован, что тюремная администрация не сразу узнала о нем.

Лишь через месяц, во время обысков, произведенных в пересыльной тюрьме по приказанию тюремного инспектора, в бараках № 8, 9 и 10 нашли издававшиеся в тюрьме рукописные журналы. Из них жандармы и тюремщики узнали, что в одной из камер состоялся 1 мая „литературно - вокальный

вечер, посвященный празднованию этого дня"[1].

Празднование 1 Мая произвело огромное, незабываемое впечатление на политических заключенных. Оно вливало в них бодрость, они сознавали, что присоединяют свой голос к голосу пролетариата и всех трудящихся, борющихся с эксплуататорами. Международный пролетарский праздник был для политических узников смотром своих боевых сил. Этот смотр показал, что ни тюрьмы, ни издевательства тюремщиков не могли сломить революционной стойкости...

Там, где не удавалось устроить первомайские сходки в общих камерах, политические заключенные использовали другие формы выступлений. Сквозь волчки тюремных дверей произносились речи так, чтобы слышал весь коридор, в камерах раздавалось пение „Интернационала", „Марсельезы" и других революционных песен. За решетки тюремных окон вывешивались красные платки.

В годы реакции из рядов сибирских организаций РСДРП было вырвано много активных работников. От рук царских палачей погибли Костюшко-Валюжанич, Бабушкин, Попов-Коновалов, Гордеев, Милютинский и дру-

---

[1] См. книжку Ф. Кудрявцева „Александровский централ" (Из истории сибирской каторги). Иркутск. 1936 г., стр. 63—67.

гие руководители партийных организаций Восточной Сибири. Тюрьмы переполнялись политическими заключенными, но революционная работа продолжалась. Организации, разгромленные царизмом, возрождались вновь.

В 1911 году Иркутская организация РСДРП в первомайской прокламации „К рабочим и работницам города Иркутска“ писала:

„Наша нелегальная партия должна собрать все готовое к борьбе, всех тех, кто хочет итти под славное знамя нашей старой революционной до конца Российской Социал-демократической Рабочей Партии, всех тех, кто не устал бороться, кто остался верен старым заветам. И наша партия должна руководить всеми проявлениями рабочей борьбы...

Пусть в этот торжественный день пролетарского праздника твое сердце снова забьется горячей враждой к миру зла и насилия, жгучим желанием борьбы с политическим гнетом и экономической эксплуатацией. Рука об руку с твоими товарищами по труду, бок о бок со всем российским пролетариатом, нога в ногу с рабочим всего мира пойдем в бой за социальную революцию под славными простреленными знаменами Российской Социал-Демократической Рабочей партии“.

Прокламация была написана на основании оттиска из Центрального органа РСДРП „Социал-демократ“ (№ 23, 1911 г.), посвя-

щенного первомайскому празднику. Она распространялась не только в Иркутске, но и проникала в другие города Сибири. Например, в Троицкосавске базой распространения прокламаций и нелегальной литературы являлась местная городская библиотека.

1912—1916 гг.

Волны нового революционного подъема 1912—1914 годов, проходившего под непосредственным руководством большевистской партии, охватили и Сибирь. В Сибири наиболее крупным событием этого периода была забастовка рабочих на Ленских золотых приисках в феврале—марте 1912 г.

4 (17) апреля 1912 года царские палачи в угоду капиталистическим хищникам залили приисковую землю кровью беззащитных ленских рабочих, пытаясь утопить в ее потоках всякое проявление протеста против царившего произвола. Но ни одна капля крови, пролитой на Ленских приисках, не осталась неотомщенной.

„Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс". (В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 534).

„Ленские выстрелы разбили лед молчания,—писал И. В. Сталин в большевистской „Звезде",—и—тронулась река народного движения.

Тронулась!..

Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия — все это собралось в одном факте, в событиях на Лене.

Вот почему именно ленские выстрелы послужили сигналом забастовок и демонстраций"[1].

Во главе масс шла закаленная в боях большевистская партия. Развивалось массовое политическое движение. Высоко поднималась волна стачек и демонстраций, выносились многочисленные резолюции протеста. В апреле и мае 1912 года бастовало 700.000 человек, а всего в этом году стачечное движение охватило полтора миллиона рабочих.

Огромное влияние на развитие революционного движения в Сибири в годы нового подъема оказали политические ссыльные большевики.

В 1912 году в Нарымский край был сослан И. В. Сталин, но ему вскоре удалось бежать из ссылки в Петербург. Отсюда он отправляется в Краков (Польша) к товарищу Ленину и участвует на известном Краковском совещании большевиков. Затем, возвратившись в Петербург, И. В. Сталин ведет большую работу по руководству большевистскими органами „Звезда" и „Правда" В этот

[1] К. С. [Сталин]. Газета „Звезда", 1912 года, № 32.

период выходит известная его книга „Марксизм и национальный вопрос".

Весной 1913 года товарищ Сталин был вновь арестован. Его выслали под усиленный надзор в глухое село Туруханского края— Курейку. В последней ссылке И. В. Сталин пробыл до 1917 года. Заброшенный за полярный круг, он писал здесь свои революционные труды и, несмотря на все полицейские рогатки, поддерживал путем переписки связь с товарищами по большевистской партии, давал им руководящие советы, всячески поддерживал их, руководил их борьбой.

За период 1910—1915 гг. в ссылке побывали соратники В. И. Ленина и И. В. Сталина: В. В. Куйбышев, Я. М. Свердлов, М. В. Фрунзе, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе.

Политические ссыльные большевики вели активную революционную пропаганду, через них распространялась марксистско-ленинская печать, они принесли в Сибирь и традиции первомайского праздника.

Большевистская „Правда", вышедшая в 1912 году, несмотря на многочисленные репрессии со стороны царского правительства, распространялась не только в рабочих центрах Европейской России, но проникала в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Кроме газеты, через книжный склад „Правды" рассылалась агитационная литература. Среди адресов, по которым рассылалась „Правда",

упоминаются Владивосток, Иркутск и ряд пунктов Иркутской губернии, в которых проживали политические ссыльные: Черемхово, Тайшет, Тулун, Братско-Острожное, Качуг, Бирюлька, Манзурка. В 1914 году во время обыска у одного из политических ссыльных в Черемхово было найдено несколько номеров „Правды“ и 67 книг и брошюр. Среди книг имелись сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина (книга „Марксизм и национальный вопрос“). В селе Манзурке в 1914—1915 гг. Манзурская колония политических ссыльных, во главе которых стоял М. В. Фрунзе, имела кассу взаимопомощи, столовую и библиотеку. Здесь получалась и распространялась ленинская „Правда“.

Каждый год с приближением Международного пролетарского праздника—1 Мая—большевистская партия готовилась достойно отметить этот день стачками, демонстрациями, митингами. Царское же правительство рассылало во все концы России распоряжения, циркуляры, телеграммы „О принятии мер к обеспечению в этот день полного порядка и спокойствия“. В 1912 году, например, департамент полиции указывал в своем циркуляре о „стремлении революционных элементов ознаменовать в текущем году, по примеру прошлых лет, традиционный социалистический Международный праздник 18 апреля—1 мая повсеместно, посредством однодне-

ной забастовки и других обычных выступлений". Предписывалось принять самые строгие меры против всяких попыток ознаменовать праздник трудящихся всего мира. Накануне 1 мая в Восточной Сибири, как и по всей России, усилились обыски, аресты, слежка за революционными деятелями и всеми „неблагонадежными". Но, несмотря на все рогатки и репрессии жандармов и полицейских, рабочие Сибири достойно встречали Международный пролетарский праздник.

В 1912 году первомайский день был отмечен забастовками в Томске, Иркутске, Киренске, Ачинске, Благовещенске и на копях Ивано-Матвеевского товарищества в Черемховском каменноугольном районе.

В мае 1912 года в Иркутске началась забастовка рабочих типографии, принадлежавшей крупному капиталисту Посохину.

Начавшись в майские дни, забастовка длилась около двух месяцев. Рабочие повели борьбу против попыток владельца типографии отнять некоторые льготы, завоеванные печатниками во время стачечного движения в 1905 году.

Посохин стремился увеличить рабочий день, снизить заработную плату и т. д. Забастовавшим рабочим посохинской типографии была оказана помощь рабочими других типографий.

Печатники поддерживали стачечников спе-

циальными денежными отчислениями. Кроме того, рабочие типографии Окунева своей организованностью принудили ее владельца не принимать заказов, которые были даны типографией Посохина, особенно крупный заказ Забайкальской железной дороги. Это была одна из форм борьбы против Посохина, который, не имея возможности разместить свои заказы в других типографиях, стоял под угрозой потери крупных заказчиков. В результате стачки рабочие посохинской типографии добились частичного удовлетворения своих требований.

Оживленно проходил первомайский праздник среди политических ссыльных. „Ссыльные задолго готовились к нему: шили красные флажки, готовили инсценировку, приготовляли праздничные закуски к чаю. Кое где 1 мая окрестное население приглашалось в какую-нибудь чайную или в самую большую избу. Кто-нибудь из ссыльных выступал с докладом. Потом—пение революционных песен, инсценировка“[1].

Первого мая 1912 года политические ссыльные большевики собрались группой в лесу недалеко от Нарыма. Поставили красное знамя, начались речи о значении первомайского праздника. У многих участ-

---

[1] Маевки в Сибири. „Сибирские огни“, № 2, 1938 г., стр. 152.

ников маевки виднелись на груди красные бантики. В проведении маевки в Нарыме принимал участие В. В. Куйбышев. В Якутской области и Нарымском крае бывали первомайские съезды политических ссыльных, устраивались маевки в лесу, а иногда и уличные демонстрации. В якутской ссылке, где побывали Г. К. Орджоникидзе, М. С. Урицкий, В. Курнатовский и другие деятели большевистской партии, устраивались ежегодно, начиная с 1913 года, маевки ссыльных возле города Якутска при участии якутской молодежи.

Первого мая 1913 года в Черемхово происходила сходка рабочих Щелкуновских копей. На ней обсуждался вопрос о забастовке и чествовался Международный пролетарский праздник. На собрании был сделан доклад о значении Первого Мая для рабочих всего мира и пропеты революционные песни „Марсельеза", „Варшавянка". Вставанием и пением похоронного марша, „Вы жертвою пали в борьбе роковой" почтили память рабочих, погибших в 1912 году на Ленских золотых приисках.

Кроме Черемховских копей, День Первого Мая 1913 года был отмечен забастовками рабочих на пристанях в Жигалово, Тутуре (Жигаловский и Качугский районы) и Черновских каменноугольных копях. В Жигалово и Тутуре бастовали рабочие мастерских па-

роходства Ленского золотопромышленного товарищества. Активное участие принимали здесь политические ссыльные, работавшие в мастерских. Рабочие Черновских копей (Читинский район) отметили международный пролетарский праздник забастовкой, в которой участвовало 384 человека. Забастовка, начавшись 1-го, продолжалась до 5 мая 1913 года. Забастовавшие предъявили владельцам копей требования об увеличении расценок, устранении всяких задержек при выдаче заработной платы, устройства бани для шахтеров два раза в неделю и т. д.

В мае 1913 года началась забастовка служащих крупной мануфактурной фирмы „А. Ф. Второва с С-ми". Вскоре эта забастовка распространилась на другие отделения той же фирмы в сибирских городах и приняла характер общей забастовки всех служащих Второва. Забастовали служащие Верхнеудинского, Сретенского, Читинского, Троицкосавского и Томского отделений. Забастовкой руководила Иркутская организация РСДРП.

...„Забастовка второвских служащих принимает свое развитие под влиянием сорганизованной ячейки социал-демократического направления. В агитационной к забастовке работе принимает деятельное участие правление „Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Иркутске",— доносил на-

чальник Иркутской охранки Департаменту полиции.

Иркутское общество приказчиков составило подробный доклад о своей деятельности и требованиях торговых служащих, подготовленный к 4 Всероссийскому съезду „представителей обществ вспоможения частному служебному труду“. В докладе от имени иркутских приказчиков выдвигались следующие требования:

„Интересы торговых служащих в вопросе о торговом времени и праздничном отдыхе могут быть ограждены лишь при соблюдении условий: 1) Законодательное установление 8-мичасового рабочего дня и полного праздничного отдыха, со включением дня 1 мая, как пролетарского праздника. 2) Полное уничтожение сверхурочных работ. 3) Воспрещение труда малолетних, не достигших 12-летнего возраста. 4) Ограничение труда малолетних служащих, не достигших 17 лет. 5) Введение в жизнь широкого демократического института участковых попечителей. 6) Установление действительной судебной ответственности для хозяев, нарушающих законные права служащих, и 7) Установление широкой свободы союзов, собраний и стачек и уничтожение стеснений рабочей печати“[1].

---

[1] Иркутский Облархив, фонд 2, № 100.

Забастовки служащих торговых предприятий Второва продолжались до 1 июня 1913 года.

Стачка, происходившая в мае 1913 года на Щелкуновских копях Черемховского района, послужила толчком к дальнейшему росту стачечного движения. Летом 1913 года возникла новая забастовка на Щелкуновских копях, продолжавшаяся около полмесяца. В стачечный комитет входили рабочие и служащие из политических ссыльных. После забастовки на Щелкуновских копях происходили стачки на Забитуйских и Гришевских копях. Среди руководителей Забитуйской стачки выделялся политический ссыльный большевик Петр Старостин, петербургский рабочий. Товарищи характеризовали Старостина как человека, „обладавшего блестящими организаторскими способностями, превосходного революционера и старого подпольщика". Петр Старостин погиб в годы гражданской войны. Забитуйская стачка закончилась победой рабочих, добившихся удовлетворения ряда экономических требований.

Крупным событием в истории рабочего движения на Черемховских копях в 1913 г. была демонстрация на похоронах ссыльного шахтера тов. Старостина (однофамильца Петра Старостина), задавленного обвалом земляной глыбы в шахте. В похоронах приняло участие много шахтеров, почти все

металлисты, часть служащих и колония политических ссыльных. Щелкуновские копи и ряд других предприятий в это время не работали. На гробу появились красные ленты, взвился красный флаг и раздалось пение похоронного марша:

„Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу...“

Несколько раз происходили схватки участников демонстрации с полицейскими. На могиле произносились краткие революционные речи.

1914 год начался целой полосой стачек на Черемховских каменноугольных копях. В январе забастовали рабочие копей Кузнеца, требуя прибавки расценок. В апреле происходила демонстрация на похоронах шахтера Бочего, убитого во время обвалов в шахте. Рабочие, шедшие в похоронной процессии, пели „Марсельезу“. В апреле вспыхнула стачка на копях Щелкунова и Маркевича. Рабочие требовали повышения расценок и улучшения условий труда. Владельцы копей пытались задушить забастовку массовым увольнением рабочих, но это не удалось. На 18 апреля (1 мая по новому стилю) был назначен на обоих копях (Щелкунова и Маркевича) расчет всех шахтеров, но ни один из них за получением расчета

не явился. К забастовке примкнули рабочие других копей. Экономическая стачка переросла в политическую, связанную с проведением Международного пролетарского праздника.

Жандармы пытались пресечь первомайскую стачку и собрание. Черемховский жандармский ротмистр телеграфировал в Иркутск 30 апреля: „Завтра (т. е. 1 мая) шахты копей Черемхово не выйдут, в лесу будет собрание“.

Но даже, проведав через своих шпионов о готовившейся первомайской стачке и собрании, жандармы не могли сорвать их, и 1 мая 1914 года черемховский ротмистр был вынужден телеграфировать в Иркутск: „Все шахтеры празднуют“.

Первомайской стачкой черемховские рабочие демонстрировали свою солидарность с рабочими всей России и международным пролетариатом. Майская стачка черемховских горняков продолжалась несколько дней. Большую роль в организации и проведении стачки сыграл „Союз горнорабочих Черемховского района“, руководимый группой политических ссыльных большевиков.

В Иркутске в мае 1914 г. происходила забастовка металлистов обозной мастерской. В апреле и мае бастовали рабочие иркутской типографии Посохина. Летом 1914 года начались новые забастовки в обозной мастер-

ской. На собраниях забастовавших присутствовали рабочие других предприятий города и выносились политические резолюции. На одном из собраний была принята резолюция о солидарности рабочих Иркутска с бастовавшими бакинскими рабочими и приветствие международному рабочему движению.

В 1913—1916 гг. происходил целый ряд экономических и политических стачек на Ленских золотых приисках. Ленские рабочие никогда не забывали своих товарищей, павших в 1912 году жертвами кровавой расправы царских и капиталистических палачей. Они отмечали годовщину Ленского расстрела стачками и производили сбор средств на памятник погибших в 1912 году. В материалах окружного инспектора Витимского горного округа сохранилась интересная „Справка о количестве рабочих, не вышедших на работу 4 апреля 1916 года по поводу событий 4 апреля 1912 года". В этот день бастовало свыше 2.600 рабочих, отметивших стачкой память погибших товарищей и свою готовность продолжить начатую ими борьбу. Горная администрация, напуганная ростом стачечного движения, была вынуждена констатировать в „Справке", что большинство рабочих „солидарно с движением рабочей массы 1912 года, а может быть по духу и условиям существования и однородны с рабочей массой 1912 года".

В годы империалистической войны в Сибири попрежнему происходили маевки политических ссыльных. Например, в селе Малышевке, Балаганского уезда, Иркутской губернии, ежегодно, в день 1 мая, устраивались маевки под видом пикников. Политические ссыльные собирались небольшими группами, запасались провизией и уезжали на острова, подальше от взоров урядника и сотских. В этих маевках принимали участие местные учителя и крестьяне.

В 1915 году происходили демонстрации, организованные политическими ссыльными в Якутске и Нарымском крае.

Первого мая 1915 года (по старому стилю) политические ссыльные, жившие в Нарыме, выехали на лодках в Конкин бор, верстах в 15 от Нарыма. Стражники, начавшие утренний обход по квартирам политических, никого не нашли дома. Собираясь отправиться в погоню, они бросились к лодкам, но оказалось, что все лодки заранее угнаны.

Из Нарыма и окрестных селений политические ссыльные большевики съехались к огромному сухому бору, решив отпраздновать здесь Первое Мая. На митинге участники маевки объявили о своей солидарности с ленинским лозунгом „превращения войны империалистической в войну гражданскую“, направленную к свержению господства эксплуататорских классов, и

приветствовали революционный пролетариат всего мира.

После митинга пели революционные песни, плясали, устраивали игры.

Известна маевка, устроенная политическими ссыльными, работавшими по заготовке леса в верховьях реки Лены, в таежных местах Бирюльской волости, Верхоленского уезда.

„Вечер—на лужайке разбиты палатки, ярко горят костры, освещая стволы лиственниц и группу людей в разнообразных костюмах. Тут и форменная фуражка, и кэпи рабочего и деревенский домотканный „азям" и арестантские халаты". В такой обстановке отмечалось 1 Мая. В таежной глуши послышалась речь оратора, которого внимательно слушали политические ссыльные и работавшие с ними крестьяне. Первомайская речь закончилась словами:

„Близок день, товарищи, рабочий класс могучим взмахом сметет всех этих паразитов, всю эту свору, живущую нашим потом и кровью..."

Едва кончил оратор, как среди угрюмой тайги, под рокот шумливой Лены, понеслась революционная песня:

„Всероссийский император—
Царь жандармов, царь шпиков,
Царь—изменник, провокатор,
Созидатель кандалов.

Люд, восставший за свободу,
Сокрушит твой подлый трон,
Долю лучшую народу завоюет в битве он.
Палачей он уничтожит, сокрушит церквей набат,
Грозной силою воспрянет
Русский пролетариат...“[1]

Пламя костра бросало кровавые отблески на стволы лесных гигантов и чудилось, что там стоит грозная армия восставших рабочих. Лица певцов были мрачны и решительны, а глаза горели непримиримой враждой. В горах подхватывалось эхо грозной песни. И мрачные пади отвечали певцам... „Воспрянет пролетариат“...

При царизме, несмотря на запрещения, аресты, тюрьмы, каторгу, ссылку и казни, трудящиеся России отмечали Великий первомайский день международной солидарности пролетариата. Этот день был смотром революционных сил, поднявшихся на борьбу с царизмом, помещиками и капиталистами. „Царское правительство наложило на нас тяжкие цепи“, говорилось в одной из первомайских прокламаций Сибирского союза РСДРП,—„Как каменная стена стоит оно на нашем пути, ни света, ни прохода.... Но мы, рабочие России, разрушим эту стену. Мы должны это сделать. Ведь за нею ждут нас братья—пролетарии всех стран“.

[1] Газета „Власть Труда“, Иркутск, 1925 г. № 98.

Героической борьбой под руководством партии Ленина—Сталина рабочие и все трудящиеся нашей страны разрушили эти стены буржуазно-помещичьего гнета, открыли свободный путь строительства социализма, превратили нашу цветущую родину в ударную бригаду мировой социалистической революции.

СОДЕРЖАНИЕ

Отв. редактор И. Осипов.

Техн. редактор М. Клинской.

Корректор С. Кракау

Сдано в набор 25/II-1939 г. Подп. к печати 27/III-1939 г. Бумага 60×92. Бум. листов $1^{3}/_{16}$. Печ. листов $2^{3}/_{8}$. Тираж 10000. Учетн. изд. листов 2,5. Уполн. Ирк. Облллита № 4032. Огиз № 1099. Заказ 606.

Отпечатано в Иркутской типо-литографии Огиза треста „Полиграфкнига“.

Ул. К. Маркса, № 19.

